

Ефим Ярошевский

Монолог из соседней страны...

(записочки начинающего эмигранта)

из письма приятелю...

1

В Европе холодно, в Италии темно...

Власть отвратительна...

А впрочем, никакая.

Не выпить ли немножечко токая,
не распахнуть ли в сумерки окно?

Но если нам все это не дано,
то что же данное?.. Добротное сукно,
чтоб шить себе шинель, подробно не вникая
в подробности?

Посильное участие принимая
в судьбе Акакия Акакьевича,
зная,
что все закончится печально? Но
это все случилось так давно
(как, впрочем, и недавно). И понятно,
что это навсегда.

А поскольку
в Европе все же холодно
(зима и все такое), –
оставим метафизику в покое.
Не запахнуть ли шубу на изгое,
не отворить ли Пушкину окно –
пусть входит,
пусть сидит,

пусть пьет вино...
(на улице и холодно, и темно)...

2

И музыку послушать заодно,
включив ТВ, заранее предвкушая
забвение... (Приятно нам оно.)
(Каминчик затопи, коль ты не Шая,
Или сыграй с соседом в домино.)
Но если нам И ЭТО не дано...
.....ТОГДА НЕ ЗНАЮ...
Кстати:
не посмотреть ли русское кино,
где брату брат – не брат,
 где в рюмке видно дно?
А впрочем, мне сегодня все равно!
Из «Фауста» чего-нибудь, ГУНО!..
Или из Моцарта.
Легко, шутя, играя
читать люблю грозу в начале мая,
и в живопись смотреть в упор и не мигая
– в картину. Там таинственный Рембрандт.
(В нем чувствуется сила и талант.)
...там Саския нагая
летит, став Маргаритою, в окно
и разбивает зеркало, ВЛЕТАЯ...
(И грудь ее над нами, как литая.
Самодостаточна. И развитая.)
Понятно, Маргарита – не святая.
А это далеко не все равно,
КАК ЕСЛИ БЫ... А впрочем, чушь собачья.
Там в ужасе, в неволе изнывая,
Русь корчится в объятиях Мамаю –
там происходит русское кино.
Однако –
есть вариант...

3

Из Гайдна что-нибудь
Иль что-то из Сальери,
включите одного из этих двух
в состав жюри!.. Где скопище старух.
Как дует из окна!
(плотней прикройте двери...)
Так славно, что захватывает дух!
Пусть за полночь затянется беседа.
Какое счастье! Было б только с кем...
Вдали от зим и лет, и схим, и схем...
Давай поговорим, пропустим час обеда,
а заодно и ужина... (Нам всем нужна победа
над ужином.) Как славно совместить
ночное бдение
с любовью, музыкой, кефиром и бокалом!..
Где малое в большом, большое в малом.
ОН как-то говорил (и это не забыть):
«Одной любви музыка уступает,
но и любовь – мелодия...»
Светает.....
Подумай, друг, не все ли нам равно?
Забудемся с поэтом заодно.
Пусть за полночь затянется беседа!

Легка поэзия,
и жизнь – в порядке бреда...

Р. S. Германия, октябрь, ноябрь, декабрь...
(погода б только не была б дика... брр...)

одесским художникам 60-х

Пока на холсте серебрится, плывет и трепещет, и блещет
заветная рыбка Хруща,
пока кувыркаются птички и рыбки,

и перья Дульфана на шляпах прохожих,
и море у рта закипает, и мастер живет и рисует,
и спит наяву трепеща,
и он одинок и несчастлив, и счастлив в беде, и тоскует, –

пока в зеркалах мастерских отражается сумрачный мир,
и око художника жадно вбирает в себя ненасытно
изгиб Афродиты,
и спит, развалиясь на горячих подушках,
трусливый кумир,
и можно сказать одичалому хаму и хану и гунну: «Иди ты!...» –

пока мадам Нудельштофер снимает с веревки
свое золотое белье,
(оно слава Богу сухое, ее еще любят мальчишки!...)...
и Рихтер следит из окошка, как месяц восходит, –
...ползет пробираясь по крышам кошачьим жулье, –
звезда могоновидом ходит туда и обратно,
и нет ей ни дна, ни покрышки! –

пока оголтелое солнце
стекает по лезвию кисти, ножа,
пока полыхает свеча,
и море за окнами бродит, и пучится в утреннем блеске,
и рыба священна... –
до тех пор мы живы
– и снова зовем почитателя,
зрителя,
критика,
друга,
врача!! – ...

и кажется, Краска и Слово поэта,
как Слово Господне, –
нетленны.....!

Потсдам